

УДК 81'22:811.161.1+159.953.3+165.0

ЭВРИСТИКИ АНТИНОМИЙ И МОДЕЛЕЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (МОДЕЛЬ «ЦЕПОЧКИ»)

В. В. Волков

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

В статье обосновывается, что модели семантической памяти, разрабатываемые в когнитивной психологии и когнитивной лингвистике, представляют существенную эвристическую ценность для различных гуманитарных наук, в том числе для теории и практики интерпретации текста.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивная психология, семантические сети, модели памяти, языковое сознание, антиномии языка, эвристика, текст.

Науки, как и люди, развиваются не только в сосредоточенном размышлении наедине с собой, но и во взаимообмене идеями, понятиями, конкретным методологическим инструментарием. Нередко в результате появляются междисциплинарные отпрыски – новые области знания, родословные которых с достоверностью и не определишь. Скажем, синергетика – дитя современного естествознания или первоначального христианства? Информатика – плод кибернетики, лингвистики или библиографии?

Предметом данной статьи является центральный элемент триады феноменов, которые в последние годы приобрели статус междисциплинарных, – *культура, память, текст*.

Культура и текст в конечном счете могут быть определены через память:

- культура – это (1) память, (2) совокупность текстов;
- текст – это (1) носитель памяти, (2) культура воплощенная.

Память в рамках данной триады выступает как единица базовая, семантически нечленимая. Следовательно, наши представления о *культуре* и *тексте* опосредованы представлениями о памяти.

Какая из наук имеет своим специальным предметом память в рассматриваемом «самом широком смысле»? Культурология, филология или психология? В филологии и культурологии ситуация двойственная: с одной стороны, специального инструментария для исследования феномена памяти вроде бы нет, – с другой, весь их инструментарий связан с исследованием именно памяти (ибо текст/культура – не что иное, как память).

Специально памятью занимается когнитивная психология; и вопрос о том, насколько продуктивны для смежных гуманитарных наук развиваемые в ее рамках представления о памяти, заслуживает внимания.

В психологической литературе память определяется через идентификатор 'опыт' («информация», «след»):

- статически – как «...хранилище “следов”, в котором находится информация и из которого ее после длительного хранения можно извлечь» [18, с. 12];
- динамически – как форма психического отражения действительности или как когнитивный процесс, состоящий в закреплении, сохранении, воспроизведении (восстановлении) и забывании приобретенного опыта.

С точки зрения психофизиологии, «хранилищами следов опыта» являются нейронные сети; с точки зрения филологии – во-первых, система естественного языка, во-вторых, тексты на естественном языке; с точки зрения культурологии – «тексты» на любом из культурных кодов (в том числе, например, на языке музыки или архитектуры, этикета или традиций застолья).

Что значит «извлечь» из «хранилища следов опыта» какую либо информацию?

С точки зрения филологической, обратиться (1) к системе языка в целях кодирования сообщения или (2) к тексту с целью его декодирования (понимания и интерпретации).

В каждом из этих случаев итог продуктивной либо рецептивной деятельности (текст, созданный в результате кодирования сообщения, или понимание/интерпретация, полученные в результате декодирования текста) зависит от «черного ящика антиномий», – от ряда выборов, которые по преимуществу неосознанно делаются продуцентом/реципиентом сообщения.

Фиксация исследовательского внимания на антиномичной природе филологических феноменов приводит к первому ряду эвристик памяти.

Как известно, по своей природе антиномичны и система (естественного) языка в целом, и каждый отдельный знак, и текст (понимаемый как предельно объемный знак). Для системы, знака и текста разные антиномии существенны в разной степени. В частности, если для системы весьма значимы антиномии узуального и потенциального, синхронии и диахронии, статики и динамики, для знака – антиномии содержания и выражения (антиномия асимметричности), индивидуального и социального, то для текста – антиномии говорящего и слушающего, кода и текста, информативного и экспрессивного, когнитивного и коммуникативного.

Проблема понимания текста (то есть проблема его декодирования как «хранилища следов опыта») в контексте разных антиномий получает конкретизации, связанные с разными лингвокогнитивными и психолингвистическими измерениями сознания и с разными стратегиями извлечения содержания (стратегиями «восстановления опыта»).

Так, антиномия синхронии и диахронии предполагает формулировку проблемы понимания текста – как проблемы различий в восприятии текста во время его написания (издания) и в последующие периоды бытования текста в культуре (блестящий анализ этой проблемы представлен в работе: [8]); антиномия индивидуального и социального, как один из компонентов методологического фундамента теории языковой личности, вынуждает выявлять в тексте индивидуально-специфическое в оппозиции социально-повторяющемуся; антиномия информативного и экспрессивного обуславливает множество специфических трудностей в интерпретации поэтического текста (примером может служить задача интерпретации «чувствообразов» медитативной лирики) и т. д.

Второй ряд эвристик основывается на внутренних свойствах основных моделей семантической памяти. По данным когнитивной психологии [5, с. 186], хорошо соотносящихся с филологическими представлениями, целесообразно различать следующие пять моделей, которые перечислим в порядке возрастания сложности:

- «цепочки», которые отражают отношения «выводимости» одного значения из другого или их «следования» друг за другом, например, в процедурах трансформационного анализа синтаксических конструкций, в анализе и синтезе словообразовательных цепочек, типа *шить* → *вышить* → *вышивать* → *вышивка*;
- «деревья», которые строятся на пошаговой идентификации значения на основе бинарных оппозиций; например, в лингвистике эта модель лежит в основе фонетической систематики (глухие – звонкие, мягкие – твердые, передне-, средне-, заднеязычные и т. д.);
- «облака», или кластеры (теоретико-множественная модель семантической памяти), где значение трактуется как совокупность задаваемых извне (то есть известных субъекту и признаваемых им существенными) категорий, лежащих в фундаменте категоризации как основного познавательного процесса (см.: [2]) и последующей классификации;
- «пространства», где значение понимается как пучок семантических признаков, задаваемых устройством этого пространства (см.: [12]);
- «сети», где значение трактуется как совокупность связей с другими единицами, в частности, в интерпретации многозначности слова как парадигмо-синтагматического явления (значение обусловлено контекстом употребления), в понятии ассоциативного значения и т. д.

Каждая из этих моделей, представляя определенный способ структурирования мира, имплицирована в системе языка и реализуется в речевых произведениях, то есть может использоваться как рабочий инструмент исследования и языкового сознания, и речевой деятельности. При этом, по справедливому замечанию Т. В. Цивьян, полезно иметь в виду, что «... в своей творческой, активной роли Слово воспринимается как р е ч ь , как произнесение (*parole, performance*), в то время как я з ы к (*langue, competence*) остается несколько в стороне. Между тем основные творческие потенции заключены в языке как таковом, с его принципиальной беспредельностью...» [19, с. 27].

Эти «творческие потенции» связаны как с отдельными элементами, так и со структурой системы языка – в ее относительной обособленности от содержания отдельных элементов. Несистематизированный (неструктурированный) набор элементов, несистематизированная информация лишена смысла. Структуризация ведет к появлению смысла, причем один и тот же набор элементов, по-разному структурированный, имеет разный смысл. Не существует двух людей, которые организовали бы одну и ту же информацию одинаковым способом. Каждый систематизирует информацию в соответствии со своими целями и своим когнитивным стилем. Модели семантической памяти целесообразно рассматривать как основополагающие методики систематизации информации.

Филологические понятия, отражающие (эвристически развивающие) модель «облака», – это прежде всего понятия семантического поля, тематической группы (тематического поля) и их импликаты (лексико-семантическая группа, синонимико-антонимическая парадигма, морфосемантическая группировка и т. п.).

Модель «пространства» лежит в основе процедур субъективно-значимой интерпретации любого текста; например, организация «пространства интерпретации» художественных произведений на основе параметров «эпическое – лирическое» позволяет понять жанровую природу, с одной стороны, «Мертвых душ» как поэмы, с другой – «Евгения Онегина» как романа.

Модель «сети» носит интегральный характер; все предыдущие модели можно рассматривать как «вложенные» в сеть или реализованные на (в) ней: например, Интернет, организованный по принципу нейронной сети, не только создает разнообразные «облака» (информационные поля), но и «пространства» (структуры интерпретации).

«Цепочки» и «деревья», как наиболее простые способы организации семантической памяти, неизбежно оказываются и «наиболее всепроникающими», они участвуют практически во всех когнитивных процессах и связанных с ними феноменах человеческой деятельности.

По своему онтологическому статусу, каждая из моделей памяти носит не только статический, но и динамический характер: не только упорядочивает накопленный опыт, но и является «управляющим фактором» личной истории человека, истории народа и государства.

С точки зрения «практической эпистемологии», каждая из моделей памяти может использоваться в роли эвристического средства для решения различных проблем, с которыми сталкиваются не только гуманитарные, но и любые другие области знания и практики.

Кратко охарактеризуем сущность и эвристический потенциал самой, на первый взгляд, «простой» модели – потенциал «цепочек».

Модель «цепочки» отражает представление о линейной последовательности дискретных феноменов:

$$\rightarrow \bullet_1 \rightarrow \bullet_2 \rightarrow \bullet_3 \dots \rightarrow \bullet_j \dots$$

В обиходе этой модели соответствует, к примеру, план работ на день («порядок дел»), маршрут («откуда куда»), список покупок. В случае функционально-смысловых типов речи: повествование – это цепочка событий (*Пришел, увидел, победил...*), описание – элементы объекта и их свойства (*глаза карие, волосы черные с проседью...*), рассуждение – логические шаги (*вопрос – гипотеза – доказательство или опровержение*).

«Цепочечные» модели составляют когнитивную основу принятой системы обучения: например, в школьной математике решение задачи в конечном счете предстает в виде цепочки преобразований, в лингвистике размышление над языковым явлением воплощается в «грамматический разбор», который выполняется по строго определенной схеме, обучение сочинению предполагает составление линейных «планов» (о чем в каком порядке говорить), в литературоведении на основе «цепочек» вводится понятие о фабуле как событийной основе произведения и сюжете как закономерной связи событий и т. д. Само образование трактуется как (в идеале) поступательное восходящее линейное движение, что находит выражение в таких устойчивых метафорах перемещения в пространстве и времени, как *старт обучения, идет процесс обучения, вести корабль воспитания, тернистый путь, ускорить становление навыков* и др. [7, с. 58–64].

Это представление целесообразно, но примитивно. Для характеристики того же образования пользуются и метафорами типа *блуждание в потемках, хождение по лабиринту*, которые отражают уже не линейный, а зигзагообразный или даже «возвратно-поступательный» характер движения: как «от начала к концу», так и «к началу от конца» (от ответа к решению, от результата к процессу).

«Цепочки» фиксируют наивное первичное представление о временных и причинных зависимостях как симметричных последовательностях, отражающих логику идущих «одно за другим» событий:

T_0	T_0/T_1	T_1/T_2	T_2/T_3	\dots	T_i/T_j	Время (Т)
	→•	→•	→•	→•	→•	→•
D_0/C_0	D_1/C_1	D_2/C_2	D_3/C_3	\dots	D_i/C_i	Причина (D)/ Следствие (C)

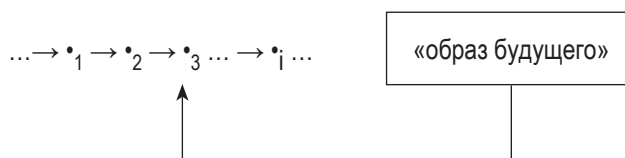
Настоящее как «точка перехода» из одного момента времени в другой ($T_0 / T_1 \dots$) наивно-бессознательно воспринимается и как точка превращения причины в следствие ($D_1 / C_1 \dots$), которое, в свою очередь, обуславливает следующую причину.

Наивный параллелизм временного и причинно-следственного лежит в основе логической ошибки, которая фиксирована в классическом латинском речении *Post hoc, ergo propter hoc* ‘После этого, следовательно, по причине этого’ и в антонимичном ему *Post et non propter* ‘После, но не вследствие’.

Детерминизм как одно из оснований онтологии, как представление о закономерной и необходимой зависимости явлений от порождающих их факторов, коренится в наивном темпорально-каузальном параллелизме – понятийно фиксирует зависимость настоящего от прошлого, что отражено и во внутренней форме этимона, основывающегося на пространственной метафоре: детерминировать ‘определять, обуславливать, быть причиной, основанием чего-л.’ – из лат. *determinare* ‘отграничивать, отделять; расчленять’ < *de...* ‘из; от; с’ + *terminare* ‘размежевывать, отмежевывать; ограничивать, замыкать > завершать, оканчивать’ < *terminus* ‘пограничный камень, межевой знак > окончание, конец’.

Взгляд с позиций прямолинейного детерминизма (частично преодолеваемого в неодетерминизме [10]) слеп, поскольку обращен в прошлое; это взгляд человека, идущего задом наперед и взирающего только на пройденное. Семантический ассонант детерминизма – *эволюция*, этимологическая внутренняя форма которого также связана с «разверткой» наличного (то есть сложившегося к настоящему моменту в прошлом) состояния: лат. *evolutio* ‘развёртывание (свитка), раскрытие (книги) > чтение’ – от *evolvere* ‘разворачивать, раскатывать, развертывать > излагать, изъяснять > развивать; обдумывать’ < *e-/ex-* ‘из’ + *volvere* ‘катать, катить; вращать > разворачивать (для чтения) > читать’.

Представлению о причинной обусловленности настоящего прошлым противостоят аксиологические и телеологические воззрения, суть которых – в «продиктованности» настоящего «образом (возможного) будущего», что фиксируется семантикой и этимологической внутренней формой сущ. провидение – из лат. *providentia* ‘предвидение; предусмотрительность; заботливость’ < *providens, providentis* ‘предусмотрительный, осторожный’ < *providere* ‘раньше увидеть, издали завидеть > предвидеть; заранее заботиться’ < *pro...* ‘вперед’ + *videre* ‘видеть, смотреть’. Телеологически (провиденциально) «цепочка памяти» может быть обобщенно представлена так:

Сущ. *провидение* в русском языке является омографом: *провидение*, по этимологической внутренней форме, – «видение наперед», в словарном определении – «мысленное представление себе будущего; предвидение» [14, с. 470], то есть «мыслеобраз» возможного будущего, руководящий эволюцией настоящего. *Провидение* – «высшая божественная сила, направляющая судьбы людей и всего мира к благу» [Там же]. Соответственно, провиденциализм – воззрение, которое течение событий объясняет волей *провидения* как некоей надчеловеческой силы.

Семантический ассонант *провидения* / *провидения* – прогресс ‘переход на более высокую ступень развития’, с той же приставкой *про-* и исходным глаголом *gradi* ‘шагать, продвигаться’. Рассматривая взаимосвязь этих понятий, отечественный религиозный философ С. Н. Булгаков в свое время итожил: «Рядом с понятием эволюции, бесцельного и бессмысленного развития, создается понятие прогресса, эволюции телеологической, в которой причинность и постепенное раскрытие цели этой эволюции совпадают до полного отождествления...» [3, с. 54].

В качестве «провиденциального регулятора» личной и общенародной истории выступают *ценности*, которыми руководствуется отдельный человек или общество в целом. В аксиологии ценности определяются как «смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности и конкретным деяниям и поступкам» [1, с. 25].

Внутренняя форма основополагающего аксиологического термина ценности может вводить в заблуждение. Философская традиция вслед за Кантом, последовательно рассмотревшим «составляющие разума» в «Критике чистого разума», «Критике практического разума» и «Критике способности суждения», признает онтологический статус трех абсолютных ценностей – морали, искусства и познания, основывающихся на разных способностях разума: «...познание – это синтез чувственного опыта и понятий, эстетическая оценка – целостное видение мира, а суть этического – категорический императив, требующий специфического опыта свободы» [9, с. 311]. Как подчеркивал С. Н. Булгаков [3, с. 53], все великие философские системы XIX века, вышедшие из Канта, искали высшее начало и смысл бытия не только в причинных связях этого бытия с прошлым, с историей, но и в телеологии как учении о целях существования, то есть в том, что связано с «чаемым будущим»: Фихте рассматривал мир как царство нравственных целей, образующих в совокупности нравственный миропорядок, Шеллинг считал его, сверх того, произведением искусства, а Гегель видел в нем развитие абсолютного разума. Классик русской религиозной философии В. С. Соловьев полагал абсолютным началом мира (то есть абсолютной первичной ценностью и одновременно абсолютной телеологической целью) любовь и благодать Бога.

Интуиции наивного сознания вполне соответствуют этим философским представлениям (по крайней мере, любовь чаема всеми) и оказываются тем самым в противоречии с внутренней формой сущ. *ценность*, которая отсылает к представлению о цене (стоимости, деньгах). Так, Малый академический словарь в дереве значений сущ. *ценность* на первое место помещает толкование с опорной семой ‘деньги’, на третье – ‘стоимость’: «1. Выраженная в деньгах стоимость чего-л., цена. <...> 2. Важность, значимость чего-л. <...> 3. То, что имеет высокую стоимость, ценный предмет» [15, с. 640]. Словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой еще прямолинейнее соотносит ценность с деньгами: «2. Цена (в 1 знач.), стоимость. *Картина большой ценности*. 3. *чего*. Важность, значение. *В чём ц. этого предложения?*

Большая ц. работы. 4. обычно *мн.* Ценный предмет, явление» [11, с. 873]. Ассоциативные данные подтверждают: обиходное языковое сознание русских соотносит концепт «Ценность» в первую очередь с деньгами: «**Ценность**: золото **12**; деньги **7**; жизнь **6**; большая, бумаги, огромная **3**; алмаз, бумага, великая, вещи, картина, реликвия, украшение **2**...» [13, с. 714]. Такое восприятие семантики ценности отнюдь не ново для русского языкового сознания, ср. у В.И. Даля: «**Ценность**... свойство по прлг. *По ценности книг, не могу заpastись ими*», соответственно: «**Ценный**, дорогой стоя(ю)щий много, что в цене. *Это вещь ценная, на охотника и знатока. Ценные камни...*» [6, с. 578], – в соответствии с семантикой сущ. *цена*: «1) “покупная” (продажная) стоимость товара в денежных единицах”; 2) *перен.* “важность, значимость чего-л.”» [20, с. 365].

Разумеется, эти лексикографические факты не могут рассматриваться как свидетельство того, что именно и только в русском языковом сознании *ценности* ассоциируются прежде всего с *деньгами*. *Цена* – существительное с общеиндоевропейским корнем, и сема ‘платить’ является этимологически исходной [17, с. 298] (ср., например, др.-гр. *τίμη (timē)* ‘1) цена; плата; 2) штраф, пеня, возмездие; 3) честь, почтение, уважение’ [4, с. 1244]).

В русском менталитете деньги никогда не были главным. Энергично об этой нашей особенности сказал Ю.С. Степанов: «Мы живем в стране, где бесплатная трудовая услуга вдове, старику, больному все еще, слава богу, считается нормой. Мы выезжаем (на время или навсегда) в другие страны, где бесплатная трудовая услуга вдове, старику, больному считается странностью или глупостью. В таком отношении к деньгам – константа русского национального характера... Неважно, узаконена ли она обычаем, как в крестьянской общине-мире, провозглашена ли святителем, как в учении о “нестязательстве” Нила Сорского (ок. 1433–1508), или просто “так положено”. И вместе с тем, в таком “нестязательном” отношении к деньгам – одна из самых отчетливых духовных границ русской культуры» [16, с. 560].

Использование сущ. *ценности* в качестве базового аксиологического термина обусловлено отсутствием в современном русском языке лексемы с основным значением ‘важность, значимость чего-л.’; очевидно пригодное для терминологизации в аксиологии сущ. *значимость* уже «занято» в терминосистеме лингвистики. Было бы логично в качестве основного термина использовать лексему с тем же греческим корнем, который положен в основу именованной науки *аксиологии* – *ἀξία (axia)* ‘цена, стоимость > достоинство, заслуга’, но это едва ли возможно, поскольку лучший из «претендентов» – сущ. *аксиома* давно используется в ином значении.

А ведь и этимологическая внутренняя форма сущ. *аксиома*, и его семантика как современного общенаучного термина как нельзя лучше отражают логику науки аксиологии, ср.: др.-гр. *ἀξιώμα (axiōma)* ‘достоинство, почет, уважение, честь, авторитет > требование, желание, воля, решение > аксиома как положение, не требующее доказательств’ – от *αξιοῦ* ‘считать достойным’ < *αξιος* ‘достойный’ < *αξία* ‘цена, заслуга’.

В заключение отметим, что модель «цепочки» эвристически ценна не только для когнитивной лингвистики, психологии и философии, но и для других сфер гуманитарного знания и практики – например, для целей филологической интерпретации художественных текстов и других лингвокультурных феноменов. В частности, восприятие настоящего в контексте этой модели сводится к его оценке лишь как

«места встречи» прошлого с будущим; настоящее одновременно и детерминировано прошлым, и предустановливается из будущего. Детерминизм и провиденциализм находятся в отношениях причинно-целевой антиномии: то, что делается сейчас, с одной стороны, происходит *потому что*, с другой – *для того чтобы*, – смысл происходящего определяется направлением взгляда.

Список литературы

1. Абушенко В. Л. Аксиология // Новейший философский словарь / Сост. и гл. ред. А. А. Грицанов. Мн. : Интерпрессервис : Книжный Дом, 2001. С. 25–28.
2. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М. : Директмедиа Паблишинг, 2008. 782 с.
3. Булгаков С. Н. Основные проблемы теории прогресса // Булгаков С. Н. Сочинения : в 2 т. Т. 2. Избранные статьи. М. : Наука, 1993. 752 с.
4. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. 1370 с.
5. Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 336 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. М. : Рус. яз., 1999. 684 с.
7. Кабаченко Е. Г. Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. Г. Кабаченко ; Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2007. 247 с.
8. Караулов Ю. Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М. : КомКнига, 2006. 168 с.
9. Марков Б. В. Философская антропология: Очерки истории и теории. СПб. : Лань, 1997. 384 с.
10. Можейко М. А. Неодетерминизм // Новейший философский словарь / Сост. и гл. ред. А. А. Грицанов. Мн. : Интерпрессервис : Книжный Дом, 2001. С. 675–681.
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1997. 938 с.
12. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. 208 с.
13. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова и др. М. : Астрель : АСТ, 2002. 783 с.
14. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 3 / Под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1984. 752 с.
15. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 4. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1984. 790 с.
16. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М. : Академический Проект, 2001. 990 с.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 4. М. : Прогресс, 1987. 864 с.
18. Хофман И. Активная память: Экспериментальные исследования и теории человеческой памяти. М. : Прогресс, 1986. 310 с.
19. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М. : КомКнига, 2006. 280 с.
20. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. Т. 2. М. : Рус. яз., 2001. 560 с.

**THE HEURISTICS OF ANTINOMIES
AND SEMANTIC MEMORY MODELS
(THE “CHAIN” MODEL)**

V. V. Volkov

Tver State University
Department of Russian language

The article puts forward the idea that the semantic memory models developed within the frame of the cognitive psychology and cognitive linguistics are of significant heuristic value for various fields of the Humanities, for the theory and practice of the text interpretation, in particular.

Keywords: *cognitive linguistics, cognitive psychology, semantic networks, memory models, linguistic consciousness, linguistic antinomies, heuristics, text.*

Об авторе:

ВОЛКОВ Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: volk7valery@yandex.ru.

About the author:

VOLKOV Valery Vyacheslavovich – doctor of Philology, Professor of the Department of Russian language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: volk7valery@yandex.ru.